

ВЗГЛЯДЫ ЕВРАЗИЙЦЕВ НА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РОССИИ

В статье предпринята попытка анализа евразийской концепции на исторический и культурный путь развития российского государства. На основе привлеченных к исследованию материалов был применен метод систематизации особенностей тесного взаимодействия отдельных этнических групп, взаимного культурного обогащения.

Ключевые слова: евразийство, культурно-исторические основы, национальное самосознание.

М. Е. Kondakova

Student of the Department of Museology and History of Culture, Vladimir state University named after A.G. and N.G. Stoletovs, Vladimir, Russia

Scientific adviser – Candidate of History, Associate Professor V. V. Solovieva

THE VIEWS OF EURASIANS OF THE HISTORICAL AND CULTURAL FOUNDATIONS OF RUSSIA

The article attempts to analyze the Eurasian concept on the historical and cultural path of development of the Russian state. On the basis of the materials involved in the study, the method of systematization of the features of close interaction of individual ethnic groups and mutual cultural enrichment was applied.

Keywords: Eurasianism, cultural and historical foundations, national identity.

Центральный тезис евразийской концепции утверждает, что Россия представляет собой гетерогенное, но вместе с тем целостное этно-культурное пространство. При этом славянский этнос, хотя и является доминирующим, не может определять русскую нацию. Русская нация, на взгляд евразийцев, образуется из смешения множества этнических образований, населяющих географическое пространство, в целом совпадающее с территорией бывшей Российской империи. Помимо славян, сюда входят тюркские, финно-угорские, монгольские и некоторые другие племена. Все эти этнические образования объединены специфическим общеевразийским национальным самосознанием. Согласно евразийцам, истинный русский национализм не может быть привязан к русскому этническому элементу, это всегда национализм евразийский. По утверждению Н. С. Трубецкого, как славянофилы, так и западники проповедовали ложный национализм. Многие из них «понимали под национализмом только стремление к великодержавности, к внешней военной и экономической мощи, к блестящему международному положению России, и для этих целей считали необходимым наибольшее приближение русской культуры к западноевропейскому образцу... Другие требовали русификации, сводившейся к переходу в православие, к принудительному введению русского языка...» [4, с. 53-54].

Для обоснования своей евразийской теории этно-культурного своеобразия России евразийцы провели обширные историко-этнографические исследования. В статье П. Н. Савицкого «Степь и оседлость», опубликованной в сборнике «Исход к Востоку», рассматривается проблема влияния кочевого татарского элемента на формирование культурного облика евразийского пространства. Автор противопоставляет районам Средиземноморья, Западной и Северной Европы с их принципом вращивания в территорию, народы «кочующих степняков, турок и монголов, которые представляют собой «эластичную массу» [2, с. 59]. Кочевники усваивают культурный опыт друг друга, вырабатывают определенные механизмы взаимодействия, но они не создают достаточно четких и прочных культурных оснований, привязанных к определенным территориям. Савицкий отвергает тезис о прерванном татарским нашествием бурном культурном развитии Древней Руси в XI-XII вв., отмечая, что уже к началу монгольского вторжения наблюдалось политико-экономическое и культурное измельчание русского мира. Он утверждает, что «без “татарщины” не было бы России» [2, с. 60], поскольку татары не были склонны к материальному, и в особенности духовному порабощению других народов. Они отличались известной степенью терпимости и даже сами поглощали чужой опыт. Восточные славяне, в общем и целом, не утратили свои самобытные культурные черты. Тем не менее, в процессе постоянного и длительного взаимодействия с ордынской системой, русские переняли монголо-татарскую систему организации власти. Татары «дали России свойство организовываться военно, создавать государственно-принудительный центр, достигать устойчивости» [2, с. 60]. Именно в процессе смеше-

ния татарской и византийской традиции, по утверждению Савицкого, и «ковалось русское духовное своеобразие» [2, с. 61]. В этом своеобразии «сочетаются одновременно историческая “оседлая” и “степная” стихия» [2, с. 61].

Характерной особенностью развития Руси в послемонгольский период было стремление к колонизации евразийского пространства. На взгляд Савицкого, этому способствовало ощущение безграничного пространства, в отличие от довольно компактной Европы, окруженной водными рубежами. За несколько столетий Московское государство смогло присоединить к себе формально огромные территории, не встречая при этом серьезного сопротивления со стороны местных этнических общностей. Поскольку действенный контроль за присоединенными территориями был невозможен в силу больших расстояний и плохих средств коммуникации, выработались определенные механизмы адаптации. Местные элиты становились доверенными представителями центра власти на своих землях. Коренные народы сохраняли также свой хозяйственный уклад жизни и культурные традиции [2, с. 63-66].

Согласно Н. С. Трубецкому, этнокультурное национальное своеобразие России состоит в органичном сочетании двух этнических массивов – туранского и восточнославянского. К так называемому туранскому массиву он относит народы, принадлежащие к алтайско-уральской языковой семье. При этом туранский элемент сыграл важную роль в формировании национального российского психотипа. Его суть состоит в том, что «весь уклад жизни, в котором вероисповедание и быт составляли одно (бытовое исповедничество), в котором и государственные идеологии, и материальная культура, и искусство, и религия были нераздельными частями единой системы – системы, теоретически не выдержанной и сознательно не формулированной, но тем не менее пребывающей в подсознании каждого...» [3]. Православие, перенятое из Византии, стало идейной регулирующей основой жизни восточных славян. Однако христианская культурная рамка не стала «предметом сознательного теоретического мышления», а лишь «подсознательной базой всей душевной жизни» [3], что как раз связано с особенностями туранской психики. Трубецкой отмечает, в этой связи, очень слабое развитие богословия на Руси, не в пример грекам. «Известная гипертрофия туранских психологических черт вызвала в русской набожности косность и неповоротливость богословского мышления» [3]. Отсюда образовалась такая черта народного характера, как бездеятельность и неповоротливость мышления, особенно теоретического.

Российская государственность также испытала на себе глубокое воздействие татарского элемента. Долгое время ближний круг бояр московского царя состоял из татарской знати. Характерным было закрепление в русском языке множества татарских слов, прямо или косвенно связанных с отправление власти. «Деньга, алтын, казна, тамга, (откуда: таможня), ям (откуда: ямская гоньба, ямщина, ямской и т. д.), – слова татарского происхождения» [3] – отмечает Н. С. Трубецкой. Собственно, произошло смешение татарской государственности и православной-религиозной этики, что облагородило и обрусело образ власти. Если в период монгольского ига происходило движение туранского элемента на Русь, то в послемонгольское время процесс пошел в обратном направлении. Теперь уже русские мигрировали на восток и в степные районы Средней Азии. Как следствие, изменилась этно-культурная доминанта.

В программном документе евразийцев 1926 года – «Евразийство. Опыт систематического изложения», взгляды отдельных авторов на этнокультурное своеобразие России были обобщены и сведены в одну целостную концепцию. Констатировалось, что в этническом смысле народы России можно отнести к славянам лишь с большими оговорками. Но и к туранцам отнести их безоговорочно невозможно. Русский этнический тип лучше всего позволяет описать себя с помощью некоего континуума, в середине которого будут находиться так называемые великороссы. Периферийные же разновидности русского этнического типа сближаются, с одной стороны, с азиатскими элементами, а с другой – с восточнославянскими, европейскими. Но вместе с тем отмечается некое объединяющее культурное ядро. Оно проявляется, прежде всего, в бытовых формах, народном искусстве, типичном психическом укладе, лингвистических особенностях. Делалось заключение, что «культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание их элементов той и других. Она совершенно особая специфическая культура... Ее надо противопоставлять культурам Европы и Азии как срединную, евразийскую культуру» [1, с. 256]. Из этого тезиса вывелись определенные идеологические постулаты. Утверждалось, в частности, что русскому народу нужно осознать себя народом-евразийцем, и «сбросив татарское иго», он должен «сбросить и европейское иго» [1, с. 257].

Таким образом, евразийская концепция этно-культурного исторического развития России подчеркивает роль обширного евразийского географического пространства, которое, с одной стороны, сформировало своеобразный жизненный уклад многочисленных кочевых и оседлых народов, с дру-

гой стороны, в отсутствие ярко выраженных естественных и искусственных границ, способствовало тесному взаимодействию отдельных этнических групп, взаимному культурному обогащению. Евразийцы признавали ведущую роль русского народа в создании так называемой евразийской цивилизации, однако не давали четкой характеристики культурного ядра России. Отмечался, в основном, лишь симбиоз туранского и русского (славянского) элемента, утвердивший татарский тип государственности и православно-религиозную этику. Противопоставляя евразийскую цивилизацию западной, евразийцы не предложили каких-либо ясных отличительных критериев.

Литература

1. Евразийство. Опыт систематического изложения // Мир России – Евразия: Антология. – М., 1995. – 399 с.
2. Савицкий П. Н. Степь и оседлость // Мир России – Евразия: Антология. – М., 1995. – 399 с.
3. Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре. – Режим доступа: http://hrono.ru/statii/turan_ru.html.
4. Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме // Мир России – Евразия: Антология. – М., 1995. – 399 с.